

ДВА ВИДА ВРЕМЕНИ

Рано утром в долине Буянта камни перекликаются птичьими голосами, и в лучах восходящего солнца они кажутся живыми. Птиц не видно, но кажется, что они слетелись сюда со всей Монголии, чтобы спеть новым гостям. А у реки – своя бесконечная песня, или, на языке здешних мест, «уртын дуу» (длинная дорожная песня). По берегу реки бродят кони. Солнце снимает с травы холодный иней, а в лужицах долго ещё блестит майский лёд. Воздух кажется тугим и каким-то глубоким от непередаваемой чистоты. Высоко в небе кружит, высматривая утреннюю добычу, хищный беркут. Слышно, как где-то далеко гудит автомобиль. Нам пора возвращаться в Ховд, чтобы продолжить путешествие по самым дальним сомонам, если смотреть сюда из столичного Улан-Батора.

Время и пространство на бескрайних монгольских просторах обретают иные свойства, и ты не можешь с точностью сказать, что будет через час или через три; что будет завтра или через три дня. У монголов в расчёте на каждый день есть два вида времени – до обеда и, естественно, после обеда. Если встреча запланирована с утра, можете быть уверенными, что время до обеда у вас занято.

Самое подходящее место для того, чтобы втянуться в жизнь по монгольскому времени, – Чуйская степь, которая так же далека от спешки и суеты, как долины Буянта, Тугрука, Ховда. В кафе «Телец», расположенном в центре Кош-Агача, висит календарь, на котором пока ещё 2005 год, а в Баян-Ульгие по магазинам висят календари 2004-го и даже 2003 года – их долговечность зависит только от качества и содержания иллюстраций. Пейзажи с водопадами, бурлящими реками и прохладными лесами могут оставаться в монгольских домах и юртах, как кажется, целую вечность – а сами календари не имеют такой же ценности.

Чаще других в магазинах крайнего запада Монголии встречается простой сюжет: на зелёной лужайке великолепная парочка небрежно постелила для себя шерстяное одеяльце. Расположившись на берегу ручья, парень с девушкой пьют сок и кушают экзотические фрукты. Это – предел мечтаний для людей, живущих в полупустыне.

По дороге из Баян-Ульгия в Ховд – постоянный двор, рядом с глинобитными домиками расположена АЗС, уровень механизации на уровне 50-х годов прошлого века, бензин подаётся из цистерны

вручную – заправщик крутит свою «динаму», успевая следить, сколько литров уже залил; за сеткой-рабицей хранятся запасы кизяка, сетка защищает от бурь, которые способны разметать собранный кизяк в одну минуту по всей долине. Крыш нет – их всё равно сорвал бы ураганный ветер. Рядом с бочками, наполненными солярой и бензином, прочно укреплен «тарелка» для приёма телепередач – к ней подвязаны камни устрашающих размеров; а чуть выше – солнечные батареи.

Допотопный кизяк и энергия солнца, которая служит человеку по новейшим технологиям XXI века, – ни того, ни другого нет у нас по деревням вдоль Чуйского тракта. Так называемый «северный завоз» вытеснил традиционные виды топлива, а на базаре в Баян-Ульгие торгуют не только хворостом, но и хорошим кизяком, цены умеренные.

На берегу озера Хара-Ус-Нур наш проводник и переводчик Галаа показывает, как надо собирать кизяк. За плечами крепится объёмистая корзина «араг», сплетенная из прутьев ивы, а в руки надо взять «савар» – нехитрое приспособление для того, чтобы цеплять с поверхности земли высохшие лепёшки – отходы жизнедеятельности животных, и через плечо бросать их в корзину. В старые времена лапу у «савара» тоже делали из прутьев – теперь для этого идеально подходит мягкая проволока от бийских электродов. Не имея привычки, можно двигаться по степи, бросая кизяк в корзину, а потом окажется, что в корзине – пусто; всё пролетело мимо.

В квартирах Баян-Ульгия и

Ховда на кухне стоят, как правило, электроплита, рядом с ней газовая плита, а на самом удобном месте – печь-буржуйка. С газом бывают перебои, иной раз подолгу приходится жечь «китайца» – а он, в отличие от российского, неприятен на запах, кизяк гораздо приятнее. С электричеством тоже бывают перебои, иногда на неделю, и в таком случае поневоле приходится переключаться на кизяк.

В тот день, когда мы прибыли в Ховд, снова не было света по всему аймаку. Налетевший ураганный ветер изорвал провода линии электропередачи в соседнем Убус-Нурском аймаке, и прошло трое суток, прежде чем последствия аварии были устранены. Вне зависимости от того, есть в гостинице вода и свет, или их нет, за 2-местный люкс приходится платить 20 тысяч тугриков, за обычную «трёхместку» – 15, а за пятиместный номер – 4 тысячи. В рублях это соответственно 465, 349 и 93. Как и в Баян-Ульгие, никто не спрашивает в гостинице паспортов и удостоверений личности. К чему все эти формальности, когда таможня и пограничники свою работу уже сделали?

Мы привыкли мечтать о грандиозных проектах, будь то туризм, энергетика или лесное хозяйство. Если получать электричество, то надо непременно отдать в жертву Катунь. В наших планах – линии электропередач до каждой животноводческой стоянки. А надо ли их тянуть в таких количествах? У нас во всём Кош-Агачском районе, а если точнее, на всю республику – четыре солнечных батареи. В северо-западных аймаках Монголии гелиоустановки – у каждой

чабанской юрты. Солнечные батареи производятся в Китае, средняя цена – в пределах 350-400 тысяч тугриков (около 9 тысяч по нашим деньгам).

Солнечной энергии вполне хватает на то, чтобы днём зарядить аккумулятор, а вечером, включить лампочку и телевизор. Спутниковые антенны стоят возле каждой юрты. Понятно, что «за свет» никто из чабанов не платит: купив однажды солнечную батарею, её энергией можно пользоваться бесплатно всю оставшуюся жизнь. Монгольские власти, в отличие от наших, не боятся свободного и независимого от них человека. От дизельных и бензиновых походных электростанций в последнее время отказываются: нефтепродукты дорожают. А если установить 3-4 солнечных батареи, то будет работать не только телевизор, но и холодильник, стиральная машина, микроволновая печь.

В сомоне Мянгат возле здания почты – 12 солнечных батарей. Это значит, что местные связисты совершенно спокойны в отношении всяких «вееров» – чего нет, к сожалению, нигде у нас.

Ветряных электростанций пока нет, но это – дело недалёкого будущего. Ветры бывают на северо-западе Монголии такой силы, что могут выдирать траву с корнем, как это было в урочище Кара-Жаматы по ту сторону от Сайлюгема в самом начале «нулевых». В расположенном неподалёку от озера Хар-Ус-Нур урочище Нарин-Гол ветры бывают такой же силы, и там возле юрт выкапывают ямы, чтобы складывать в них домашний скарб – от ведер и канистр до конской упряжи и детских игрушек.

У чабанских стоянок в долине Тугрука – каменные ограды для загона скота, а рядом – ограды поменьше, но они заметно выше, потому что предназначены для хранения сена. Если ураганные ветры способны унести даже груды кизяка, что говорить о заготовленном сене? По берегам озёр, где мало камней, ограды делают из жёсткой травы «хулс» – она жёстче камыша и больше похожа на тростник. Кстати, её макушки очень нравятся домашнему скоту, из них даже сахар можно добывать.

Юрты поверх войлока перевязаны канатами, на которых висят с каждого конца громадные камни-валуны, они придавливают юрту к земле на случай урагана. Иногда используется металл от тракторов и автомобилей, и только один раз я видел подвязанный к канату громадный пень от лиственницы – это было во дворе буддийского храма в сомоне Манхан; но там стихия ветра соседствовала, по всей видимости, со стихией дерева, и в этом был потаённый религиозный смысл.

Путешествие по Монголии возвращает, хотим мы того или нет, в патриархальные времена, когда человек даже не думал о том, что когда-то отважится сам себя окрестить «царём природы». По дороге на Ховд видишь картину: человек с вязанкой хвороста идёт против ветра. Он с трудом держится на ногах, но, видимо, знает: завтра будет уже поздно. Ветер приносит каждый раз новый хворост, и надо успевать запастись им. Человек на ветру с вязанкой хвороста за спиной – излюбленный сюжет живописцев эпохи Тан. Все стихии – ветер, земля, воздух, дерево и огонь, скрытый в дереве, – в одном сюжете.

РЕЗКО КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Не только климат – вся жизнь в Монголии резко континентальна. У подножий священной горы Алтан-Хохий неторопливая река Ховд разделяется на рукава, образуя длинные песчаные острова. На майские праздники солнце кружит по небу, как пылающий бубен, и когда в Горно-Алтайске, судя по поступающим sms, бушует снегопад, здесь воздух прогреет до плюс 30-ти, и горячий песок обжигает пятки. А на завтра в пути нас застает снегопад, и когда в белой кромешной мгле мы теряем на какое-то время ориентиры, выходим, чтобы осмотреться, снег у дороги почти по колено: монгольский май...

Вспоминается картина, увиденная по дороге из Буянта: прямо на асфальте под лучами палящего солнца устроились два чабана и, не обращая никакого внимания на проходящие мимо автомобили, с увлечением режут карты. Движение там не настолько оживлённое, чтобы они могли кому-то помешать.

Уезжая из сомона Манхан, мы взяли у магазина двух попутчиков – Цэрэндоржа и его жену. Они возвращались домой, к придорожному кафе у моста через Тугрук, по которому проходит трасса на Улан-Батор. Подумав, как отблагодарить нас, Цэрэндорж решил показать нам петроглифы на горе Иштэн-Толгой. А если бы он не встретился нам по пути, мы промчались бы мимо горы, не увидев в ней ничего примечательного. Обутый в резиновые китайские шлёпанцы, в свитере и старых брюках, наш проводник не имеет ничего

общего с привычным образом ара-та, но то, как он выглядит, ничуть не заботит Цэрэндоржа. Он прост и открыт для гостей, приехавших с севера.

Вид с горы захватывает настолько, что ясно видишь перед собой волны древнего моря, со всех сторон подступающего к горе. А на завтра, возвращаясь в сомон, мы попадаем в школу – хотя этого не было в первоначальных планах, и завуч Дагиймаа показывает в кабинете истории камешек с остатками окаменелой рыбы, которую занесло на Иштэн-Толгой миллионы лет назад.

Юрта, в которой располагается придорожное кафе, служит одновременно жилищем для хозяев и гостиницей для всех проезжающих. Цэрэндорж советуется с женой Аравч, и они предлагают всей нашей экспедиции ночлег за 20 тысяч тугриков – в среднем по 66 рублей с человека. Отказываться было грех, и вскоре вся обстановка монгольской юрты перед тобой как на ладони.

Около входа – канистры и вёдра, детская ванночка из пластмассы, на сундуке – десяток одеял, если не больше, подушки в наволочках из красивого китайского шёлка и точно так же, как у нас в деревенских домах, рамки с фотографиями, а дальше зеркала, кровати с железными пружинами, украшенное искусственными цветами трюмо, рядом небольшая тумбочка, над ней портрет хозяйна и хозяйки по соседству с дорожкой денежной купюрой, закрытой под стекло; на тумбочке – витрина буфета: блоки сигарет «Алтан

навчис», печенье «Вернисаж», соки и лимонады – всё для гостей.

Аравч сама шьёт и вышивает, делает узоры на вешалки и украшает сундуки-авдары. Один из сундуков закрыт на замок – там товары и продукты для гостей, другой авдар приспособлен под комод и столешницу, на нём лежат игральные карты, 54 листа, изготовленные в Санкт-Петербурге. Карты остались от русских шоферов, которые спасались в юрте от кошмарного бурана. Пока они пережидали непогоду, научили хозяев игре в покер.

Пол в юрте деревянный, по центру расположен цох, или очаг по-нашему. Сразу у входа в юрту и рядом с почётным местом для гостей – две подпорки «багана», они украшены резьбой и упираются в круг «тон», расположенный наверху. В отличие от алтайского айла, две подпорки «багана» делят монгольскую юрту на две половины – мужскую и женскую. Игральные карты лежат на мужской половине, а буфетом распоряжаются женщины. Дальше за буфетом укреплены полки с посудой, стоят алюминиевые бидоны с водой, и всё это на фоне китайских панно, изображающих водопады, зелёные луга, экзотические фрукты, диковинные цветы и всё такое.

Когда лежишь в спальнике на полу, галогеновая лампочка в круге «тон» над головой кажется маленьким солнцем, от которого расходятся в разные стороны лучи «он», на которых держится купол юрты. В лампочке – энергия солн-

ца, накопленная за день, и через какое-то время снится отара овец, которых мы гоним с горно-алтайским министром Зотовым в сторону Кош-Агача...

Утром возле юрты дети играют пластмассовыми канистрами из-под антифриза. У моста самое удобное место для того, чтобы умыться; на берегу стоит пустая бутылка «Аттилы», придавленная сверху камешком – это вчерашние мотоциклисты, исполнив священный обряд, уехали с мешками козьего пуха в сторону Улан-Батора, там он дороже. К юрте подъезжает узик-«таблетка», и пассажиры, которые выходят из неё, имеют странноватый и несерьёзный вид – они совсем не похожи на здешних монголов, хотя общаются с ними на родном языке. Вскоре выясняется, что это улан-баторский «Аншлаг» едет в Ховд развлекать местных жителей. Детишки начинают узнавать их и смеются, тыча в них пальцами.

В кафе и ресторанах Ховда посетителю предлагают горячие влажные салфетки – с дороги нет, пожалуй, ничего лучшего, чтобы снять усталость и освежить кожу лица и рук. После долгой дороги мучит жажда, но в супермаркете девушка на кассе мило отбирает «Старого мельника» и говорит: нельзя. То есть как? А так, обворожительно улыбается девушка, по четвергам у нас дни трезвости, это приказ губернатора. Поначалу это шокирует, но потом начинаешь думать: почему бы и у нас не сделать «сухим» хотя бы один день недели?

ЗАГАДКИ ДУШИ КОЧЕВНИКА

Душа кочевника таит в себе ничуть не меньше самых разных загадок, чем для высокомерного Запада, загадочная славянская душа. Можно сказать, что это родственные души, и когда не хватает слов, на помощь приходит музыка. Поздно вечером на дискотеке в Баян-Ульгие тебя ждут сплошные сюрпризы. Казалось бы, здесь в моде должен быть казахстанский рэп, или диско из Улан-Батора, или на худой конец – Таркан. Но когда толпа начинает требовательно кричать диск-жокею: «Шорны гылаза!», ты не сразу въезжаешь в то, что здешняя молодежь без ума от нашего шлягера «Чёрные глаза», и никакой Таркан его не заменит.

А в соседнем Ховде есть магазин «Цахир», расположенный рядом с молодежным баром «Дол», через дорогу от многоквартирного дома, построенного китайцами. В магазине торгуют дисками, и, чтобы услышать новую Монголию, надо поискать там записи Жавхлана или таких групп, как «Чингисхан», «Харанга», «Камертон», есть и монгольский рэп, он представлен группами «Lumino», «Татар», «Ice top». У нас на Телецком озере на фестивале «Живая вода» выступала прославленная певица Алтан Цэцэг – её записи увозят на память все любители «этно».

На базаре у киоска «Орос морожен» всегда очередь. Барнаульское мороженое идёт нарасхват – как, впрочем, бийский сахар и воеводская мука, растительное масло «Букет Алтай», весь ассортимент «Алейскзернопродукта», новоси-

бирские конфеты, вода «Карачинская», «Касмалинская», разноцветная «Милеста» (при этом ни одной бутылки с Горного Алтая); умиляют китайские подделки типа «алтайская сухая дрож» (читай: дрожжи) – словом, наши продукты питания уверенно вытесняют китайские, и лучше всех работают, как выясняется, коммерсанты из Бийска. А было время, где-то в начале 90-х, на прилавках не оставалось ничего, кроме пачек соли.

Рядом с базаром – стоянка такси. Наши УАЗики ходят из Баян-Ульгия до Кош-Агача и Ховда, до Павлодара, Семипалатинска, Кокчетавы, Астаны, Караганды и, конечно, до Алматы. Если нужно, таксисты легко доставят оборотистых «челноков» до Красноярска или Томска из расчёта 500 тугриков (курс к рублю 43:1) за километр, при этом можешь торговаться. Дорога от Горно-Алтайска до Кош-Агача на такси обходится в 500 рублей, а до Баян-Ульгия от Кош-Агача – всего 350, и золотые деньки кош-агачского рынка «Рахат», как кажется, ещё впереди.

При Гайдаре и Черномырдине в Баян-Ульгие приходилось таксовать на китайских (с конвейера) и подержанных японских машинах. В те чёрные времена УАЗики исчезли, как тогда казалось, навсегда. Но на рубеже веков УАЗ уверенно вернулся в Монголию. На наших машинах нет, конечно, никакой электроники, не говоря об изящном тюнинге – но этого и не надо на здешних дорогах. Допустим, ты едешь по бездорожью на «Ниссане» последней модели – и мотор не выдерживает... Куда звонить?

В какой сервисный центр обратиться, если самый ближайший – в Бийске? Такси марки УАЗ, будь то «таблетка» или обычный колхозный вариант, куда надёжнее.

Купить новый УАЗик здесь можно за 7 миллионов тугриков, «таблетка» дороже – в пределах 8 миллионов. Много это или мало, если учесть, что баран стоит в городе 40 тысяч, а килограмм козьего пуха принимают по 30 тысяч? Монголы не любят такие суммы, как 7,2 миллиона, 43 тысячи или 297 тугриков. Им нравится округлять. И когда наш проводник Галаа видит на дороге оброненный кем-то тюк сена и говорит, показывая на него: «Пять тысяч», никто из нас не сомневается, что тюк может стоить 4000 или 4500, но никак не 4786.

На таможне в Ташанте зарегистрирован мировой рекорд вместимости нашей «таблетки»: один ушлый таксист вёз из Баян-Ульгия в солнечный Казахстан – это факт – 32 пассажира, и как они помещались в салоне, ведаёт один Аллах. Автомобили УАЗ и мотоциклы Иж – вне конкуренции на дорогах северо-запада, причём на мотоциклах тоже таксуют: вместо 500 рублей за 1 км таксист «ижака» возьмёт 300 – и ты с ветерком промчишься по улицам городка, в переводе на наши «деревянные» каждый километр обойдётся в 7 рублей.

Окуляры лётчика ВВС, танкистский шлем, толстая кожаная куртка, байкерские краги, штаны сноубордиста и обутки из настоящей юфти – так выглядит баян-ульгийский таксист на своём мотоцикле в конце весны. Проезжая по мосту через реку на окраине Баян-

Ульгия, видишь толпы рыбаков, стоящих в воде по пояс, – благодаря прорезиненным костюмам химзащиты вода им не страшна. А в центре городка у гостиницы «Bastau» водитель подержанной Тойоты, узнав, что мы из России, с надеждой в голосе спрашивает, есть ли у нас «крушки». Не сразу понимаешь, что речь идёт о рыболовных крючках. Самые лучшие крючки, конечно, из российского металла; с китайскими снастями только нервы мотать. При желании на крючках можно сделать в Баян-Ульгие ошеломительный бизнес, но у нас – другие задачи.

Рыбак явно разочарован. Время нереста уходит, и скоро никакой рыбалки на реках уже не будет. Вверх по Ховду рыба поднимается до горы Шижигтийн Хавцал, и там, в тесном ущелье осман и хариус, султанка и все другие рыбы оставляют икру и скатываются обратно в Хара-Ус-Нур. Тувинцы, живущие в Нарин-Голе, через три дня будут звать нас на рыбалку и высказывать искреннее недоумение: что значит «некогда»? В монгольских степях с трудом понимают значение этого слова.

В спортзале турецкого колледжа, расположенного в Баян-Ульгие, большие светлые окна, а на них – режущие глаз массивные решётки. В отличие от наших спортзалов, где решётки ставят, чтобы уберечь дорогостоящие тренажеры, в Баян-Ульгие их ставят для того, чтобы уберечь стекло на окнах, оно очень дорогое в этом аймаке, дороже дерева – пересчитывай хоть на вес, хоть на «кубики».

В магазине спорттоваров, расположенном по соседству с баян-ульгийским рынком, удивляет

обилие фотоиллюстраций, на которых главными героями выступают баскетболисты NBA. Баскетбол, как выясняется, – любимый вид спорта мальчишек не только здесь, в Баян-Ульгие, но и в соседнем Ховде. Рядом с китайскими костюмами Abibas в красивом прыжке замер, задрав ноги, Майкл Джордан, баскетбольный мяч лежит у него на трусах, чуть дальше – Стив Фрэнсис, взлетевший по пояс над кольцом, а вот Дирк Новицки в головокружительном полёте, и, конечно, Яо Мин (рост 229) тоже не уступает афроамериканским кудесникам. Баскетбол и бильярд – вот две страсти, которыми живут два северо-западных аймака Монголии, не знаю, как в остальных. На базаре в Баян-Ульгие бильярдные столы стоят прямо под открытым небом – их там не меньше двадцати. Когда выпадает снег или отбушует пыльная буря, здешние маркеры идут вдоль

столов с вениками и автомобильными пылесосами.

Кроме бильярда и баскетбола монгольская молодёжь увлечена таким экзотическим видом спорта, как борьба сумо. Её кумир – четырёхкратный чемпион Японии Дагвадорж, выступающий под псевдонимом Асашиору (т.е. «Утренний синий Дракон»). В Японии выступали в середине «нулевых» 32 монгольских борца сумо, и этого нашествия японцы уже не выдерживают. В сомоне Буянт хорошо растёт картошка, и когда приходит время её сбора, местные борцы «качаются», поднимая тяжёлые мешки. Перед отъездом в одном из кафе в центре Ховды мы смотрим прямую трансляцию из Токио, народный герой Дагвадорж снова одерживает уверенную победу, и монголы устраивают по этому поводу всеобщее ликование – топают ногами, бьют ложками по столам.

ЗНАК ВЕЧНОСТИ

В Баян-Ульгие от офиса сотовой компании MobilCom и соседствующей с ним мечети тянется узкая улочка, образованная глинобитными домами, – она ведёт к буддийскому дугану. Лама, спешащий к молитве с мобильным телефоном в руке, никого не удивляет. Дорогу к дугану нам указывает ширетуй Батсух, он же руководитель аймачного отдела юстиции при губернаторе. Дуган построен в прошлом году, а до этого в Баян-Ульгие были только мечети. В прошлом году в Улан-Батор приезжал Далай-лама, и после его приезда, как считает г-н Батсух, интерес к

буддизму заметно возрос. А у нас в России по-прежнему живут с оглядкой на Китай, и тибетскому Далай-ламе всё ещё закрыт путь в нашу страну – как это было при безбожниках-коммунистах.

Обстановка в дугане – более чем скромная. У нас в деревенских церквях примерно так же. Что бросается в глаза сразу же с порога, – это идеальная чистота. В бурятских дацанах такой чистоты нет. Домик, в котором собираются буддисты Баян-Ульгия, разделен на три части. При входе – железная печка из кемеровского металла, на плите стоит чайник, а возле печ-

ки – ведро, ковш, железный совок, веник и низкая табуретка. Слева от входной двери – умывальник, на нём как-то по-особому смотрится «Миф. Французский аромат».

Из окна открывается вид на военную комендатуру. К её зданию красивой офицерской походкой идёт мужчина в штатском. Дети гоняют мяч. У столба – привязанный конь. Если перевести взгляд на поверхность столика, стоящего неподалёку от входа, увидишь Знак Вечности – он часто встречается и у нас по алтайским деревням, правда, его значение знает теперь не каждый.

За низким столиком в прихожей можно отдохнуть, присев на диван или лавочки – кому как удобнее. Депутат Аукетай Мурат, приехавший к дугану на малиновом джипе, предпочитает отдых на диване. Он восседает за столиком с важным видом – пожалуй, никто из горно-алтайских депутатов не выглядит так же важно, как он. Впрочем, у него есть повод для того, чтобы выглядеть именно так, – заседаая в Верховном Хурале Монголии, он решал в Улан-Баторе важные вопросы, связанные со строительством нового дацана в Баян-Ульгие, и днём раньше специально прилетел из столицы, чтобы встретиться с ширетуюем Батсухом.

В помещении, где проходят молебны, на самом видном месте – тибетский календарь Зурхай, по которому до недавних пор жили и у нас в долинах Чуи, Урсула, Каракола, Чарыша. На стенах – десять гневных бурханов, защитников здешних буддистов. Особняком – изображение Цаган-Обогона, хозяина и покровителя Алтая, известного также под именем Ак-Бурхан.

Как-то так сложилось в наших представлениях о Монголии, что это – страна неторопливых смиренных людей, победивших в себе гордость и тщеславие. Это не совсем так. Буддийская вера не мешает монголам идти по пути внутреннего совершенствования, и когда видишь яркие плакаты, с которых улыбается национальный герой Монголии – альпинист Усухбаяр, всё встаёт на свои места.

Усухбаяр, будучи человеком верующим, в одиночку взошёл на Эверест 30 мая 2005 года около полудня – эту дату знает вся Монголия. Президент страны лично присвоил ему почётное звание заслуженного спортсмена Монголии. И где-то в это же время президент был на территории Ховдинского аймака, вертолёт доставил его к вершине священной горы Алтан-Хухий.

Восхождение на горные вершины сочетается в соседней Монголии с поклонением священным горам – а таких вершин на сегодняшний день у монгольских буддистов уже пять, в том числе расположенная в верховьях реки Кобдо снежная вершина Алтан-Хухий. Президент страны участвовал в церемонии её освящения, и всё проходило в тот день под песнопения буддийских монахов.

Приходит время, когда люди во всех уголках Земли начинают поклоняться вслед за кочевыми народами Азии рекам и горам. Снежные горы (ледники) и чистая вода в реках – это и есть истинное богатство. Монголы отказываются убивать рыб, потому что они знают: в рыбах – душа рек и озёр. Как только начинают исчезать рыбы – уходит душа, и реки меле-

ют, озёра высыхают, уходит сама жизнь.

У монгольских козоводов сейчас те же проблемы, что и у мараловодов Горного Алтая. Если пух продавали семь лет назад по 48 тысяч тугриков за килограмм, то сейчас красная цена – 30 тысяч. Монгольский пух – лучший в мире, и ажиотажный спрос на него привёл к тому, что за семь лет поголовье коз возросло местами в полтора раза, но цены упали (как у нас в мараловодстве), и теперь скотоводы думают вместе с экологами, как быть дальше. Козы оставляют после себя пустыню – это видит каждый, но в погоне за прибылью трудно остановиться. По дороге из Нарин-Гола в Ховд наш автомо-

билъ застревает в песке. Сопровождающий нас старейшина Эрденэ говорит о том, что пески наступают, и с каждым годом их кольцо всё теснее подступает к стоянкам чабанов. Недавно к ним приезжали экологи, и, как говорит Эрденэ, с их помощью тувинцы надеются остановить пески.

Не знаю, может, для того и застрял наш УАЗик в болотце на полдня в окрестностях горы Алтан-Хухий, чтобы мы смогли вдоволь насмотреться на её красоту. И точно так же нас удерживала какая-то невидимая сила на берегу озера Хар-Ус-Нур, и мы вроде бы опаздывали куда-то, но как оторваться от непередаваемого вида на гору Жаргалант, где обитают последние ирбисы?..

В ИСТОРИИ НИЧЕГО «ЛИШНЕГО» НЕТ

Сохранилось предание о том, что Далай-лама V был монголом, и когда в первый раз настали для Тибета тяжкие времена, ему пришлось бежать на родину. Вернувшись в Монголию, Далай-лама не мог говорить о том, кто он на самом деле. Его приютили чабаны, и вместе с ними Далай-лама стал пасти овец. Но будучи человеком, совершенно не приспособленным к этой работе, он растерял в конце концов всех овец. На него рассердились и стали требовать объяснений. Далай-лама простодушно отвечал, что всех овец порешили волки. Ему не поверили и стали думать над тем, какое придумать для него наказание. Равнодушно внимая гневным словам, Далай-лама вышел в степь, и скоро он собрал вокруг себя всех волков,

которые стали причиной его несчастья. Когда чабан, давший ему работу, увидел Далай-ламу в окружении волков – безучастного и спокойного, он понял, Кто перед ним, и в скором времени об этом знали все.

Путешествуя по Монголии, начинаешь понимать истинное значение бурханизма. Согласившись остаться на ночлег у тувинцев на берегу Нарин-Гола, мы нашли у них в юрте спасение от сумасшедшего ветра – во всяком случае, в палатках нам было бы не так уютно. Под бешеное завывание «салхи» весь вечер мы слушали предания тувинской старины, легенды из старинной книги «Нууц Товчоо», жарко горел очаг, и по центру юрты, у западной опоры «багана», светилось изображе-

ние Дамдиндорлига – покровителя всех кузнецов, Железного Бурхана. У хозяина юрты, заслуженного коневода Монголии Мунхуу, все предки были кузнецами, от них и сохранилось изображение святого бурхана.

...Где-то в полночь ветер стихает, и когда распахиваешь дверь юрты – попадаешь в окружение звёзд. А утром, выходя из юрты, видишь, как птицы, паря в поднебесье, задевают своими крыльями облака. Высота, на которой расположены монгольские степи, приближает к Богу, и здесь как-то забывается всё суетное и мирское, оставленное где-то далеко.

В школе сомона Буянт по коридору видишь портреты всех военачальников династии Чингисхана – их ровно двадцать, видишь исторический триптих «Покорение Пекина», а в кабинете директора портреты Сухэ-Батора и Чингисхана мирно уживаются по соседству. В отличие от нас, монголы уважают, помнят и хранят свою историю – какой бы она ни была. Они не понимают, зачем у нас снесли все памятники Сталину и что заставляет нас с приходом каждого нового лидера с каким-то остервенением переписывать учебники истории. В учительской рядом с методическими пособиями у них мирно соседствует бурхан Янжинлам – покровитель знаний.

Буддийские святыни одинаково просто вписываются в пастушеский быт, в антураж городских магазинов, и здесь, в школьной учительской, Знающий Бурхан никак не может быть посторон-

ним – дети привыкают к этому с начальных классов.

Стоим на берегу Хар-Ус-Нура в ожидании попутной лодки, надеясь уплыть на один из островов, где живут и работают рейнджеры национального парка. Один из них – немногословный Энхээ, со своим попутчиком он возвращается на остров. По берегам озера они насобирали шесть мешков кизяка и теперь возвращаются на свой остров. Скоро им кочевать на летние пастбища, но пока что их юрты там, посреди озера.

Они плывут на лодке каждый раз мимо острова Завсар, где живёт лама. С детских лет лама жил среди водной стихии, а потом учился в Тибете. Зимой, когда замерзает лёд и ветер отполировывает его до блеска, лама любит кататься на коньках и петь буддийские мантры. Здесь, на льду озера, свирепый барон Унгерн любил держать по ночам под пронизывающим ветром самых непокорных противников. Часть из них находила на льду озера смирение и признавала над собой власть «рыжего Махакалы», а другая часть находила здесь вечный покой. Мантры, которые поёт здешний лама, кажутся холодными, но другими они, наверное, и не могут быть.

Мы уезжаем с берегов Хар-Ус-Нура, и перед глазами долго ещё стоит картина: волны накатывают на белый песок, а дальше по берегу бродят овцы и кони, ветер перебирает шерсть сторожевых псов, с озера тянет запахом рыбы, а над нашими головами летят к островам дикие гуси.

ГДЕ ИСКАТЬ ГРАНИЦЫ «ЗАХОЛУСТЬЯ»?

В соседнем сомоне на землях Рашгонзэглин – это его тибетское название. Построенный в 1777 году, при коммунистах он был разрушен. Храм восстановлен 15 лет назад, сейчас здесь служит лама Цэгмид, внешне похожий на тибетского беженца, и главный бурхан, которому поклоняются все захчины, – это Майдере, грядущий Майтрейя.

В Монголии говорят иногда: в каждом дацане – свой Бурхан, и отчасти это действительно так. Бурханизм, который возродился сто лет назад на Алтае, – это тот же буддизм, и подобно тому, как в Монголии поклоняются в каждой местности своему Бурхану, точно так же и в горах Алтая молились, не забывая богов, которым поклонялись предки.

Цэгмид-лама поёт старинную сутру «Насынг», известную со времён Амырсаны. Захчины служили в его войсках, они пришли в район Ховда около 1755 года и служили как пограничники. Захчины живут в пяти монгольских аймаках, а наибольшая их численность – в пределах 11 тысяч – здесь, в окрестностях Ховда. Работая над документальным фильмом о своих земляках, местный краевед Монхтогс выявил массу интересных подробностей. Например, стало известно, что в китайской Внутренней Монголии остаются ещё 10 тысяч захчинов, живут они и в Синьцзяне – в Илийском и соседнем Алтайском округе СУАР, а своё самоназвание этот знатный род ведёт со времён Чингисхана: «зах» – значит граница, а «чин» – смелый, решительный.

Находясь в Монголии, начинаешь по-новому воспринимать многие слова и понятия, самоназвание захчинов перекликается с нашим «захолустьем». Как только ни пытались истолковывать это слово, начиная с XVIII века, и только совсем недавно один из калмыцких учёных вернул старинному слову исконный смысл: «зах улус» – это «люди пограничья», и этими людьми на южных рубежах России были воины-торгоуты, волжские калмыки. И здесь, на крайнем западе Монголии, торгоуты тоже несли пограничную службу вместе с захчинами.

До последнего времени алтайский бурханизм оставался синонимом Белой Веры, но с некоторых пор приверженцы движения «Ак Жан» обособились. У них свой, особый молебен и свой жертвенник. Монголы, поклоняясь Ак-Бурхану, тоже проводят молебен (мургуль, на их языке) и устраивают для этого жертвенник (тахил). Они зажигают веточки можжевельника (арц), душа по-монгольски будет «сана», бог – это «тэнгэр», а Будда – то же самое, что и Бурхан. У нас на Алтае много преданий связано с приходом народа лал, но что это за народ, толком не знает никто, а монголы со времён Чингисхана знают, что лал – это мусульманин. Много интересных слов встречаешь в монгольском языке и поневоле приходишь к тому, что два народа – монголы и алтайцы – не просто соседствующие, а близко родственные народы, имеющие общие корни в истории, происхождении, религии, культуре и языке.

ЗАПАД, И РЯДОМ ВОСТОК

После падения Джунгарии Северо-запад Монголии, в том числе Кобдо (нынешний Ховд), с 1756 года вплоть до восстания Джа-ламы входил в состав империи Цин. Осенью 1876-го, приехав в Кобдо, знаменитый путешественник Григорий Потанин нашёл этот городок совершенно китайским. А теперь на месте бывшей китайской крепости – одни развалины. С трудом угадываются каналы, по которым струилась прохладная вода, вот там располагался тенистый сад с фазанами и попугаями, в его глубине стоял дворец китайского амбана, а рядом с ним – тюрьма. Там, где стояли дома китайских чиновников, ветер шевелит траву – ста лет не прошло, а всё уже поросло быльём.

На некотором отдалении от Ховда – гора Баатар-Хаирхан, которую иногда называют «проклятой горой». Местные жители утверждают, что по ночам там раздаются человеческие стоны и горестный плач. На этой горе воины Максаржава и Джаламы рубили головы китайским чиновникам после победы в войне 1911-1912 годов. Воины в отрядах Джа-ламы верили, что он – воплощение Амырсаны, и даже мрачный барон Унгерн временами тоже склонялся к этому.

Отношения с великим соседом складывались у монголов непросто со времён Чингисхана и позже, во времена победоносных походов ойратских войск на Пекин и Лхасу. Монголия принимала в 1904 году бежавшего из Тибета Далай-ламу, а в 1949 году после прихода Мао Цзэ-дуна Северо-запад Монголии принимал беженцев из Синьцзяна,

среди которых были – как это ни странно – американские индейцы.

Сейчас в сомоне Манхан осталось 6-7 индейских семейств, они живут в самых отдалённых и недоступных местах, пасут лошадей и овец. Индейцы приходят в сомон 2-3 раза в год, чтобы запастись продуктами, и, как рассказывает краевед Монхтогс, внешний мир их нисколько не интересует. В китайский Синьцзян они попали в XIX веке, уходя от порабощения «бледнолицыми». Их вождь вёл своё племя в центр Азии, зная, что здесь – древняя прародина индейцев. Другая часть его соплеменников ушла на остров Суматра, и там они тоже живут обособленной жизнью, не принимая американский образ жизни, который навязывается сейчас всему миру.

Монголия сегодня – самая открытая и, пожалуй, самая свободная из всех стран, которые встретишь на нашем глобусе. Каждый житель страны без проблем может выехать в любую страну, причём в большинстве случаев его примут без визы, даже в соседнем Китае. В современной Монголии можно учиться тому, как быть открытыми для всего мира и в то же время помнить о своих собственных интересах.

В Баян-Ульгие в рамках бывшего СЭВ поляки и чехи строили мясокомбинат и шерстомойку. В окрестностях Ховда ещё стоят руины бывшей птицефабрики и свинофермы. А теперь в Баян-Ульгие навскидку заметно разве что присутствие Турции и соседнего Казахстана. Здание, в котором располагалась контора российской

строительной компании, теперь принадлежит турецкому колледжу. В Ховде строителей бывшего соцлагеря сменили добровольцы из американского «Корпуса мира» (у нас их уже объявили шпионами) и представители многочисленных фондов, финансируемых теми же американцами либо Евросоюзом. Правда, в области экологии, если говорить об отдельно взятом Баян-Ульгийском аймаке, рассудил его губернатор г-н Капсатар, вне конкуренции остаётся Япония.

По всему северо-западу широко известна культурно-образовательная организация «Джайка», реализующая свои проекты, в том числе в области экологии. Правда, здесь же, в Баян-Ульгийском аймаке, очень солидно представлены Голландия и Швеция с финансовыми средствами Агентства развития, которые тоже идут на решение экологических проблем – об этом нам рассказывал международный технический советник Алтае-Саянского проекта Валдемар Холмгрэн.

В университете Ховда историю преподаёт профессор Гамболд. Он рассказывал мне о том, что здесь в аймаке долгие годы работает доктор исторических наук из Токийского университета, этнограф Акира Кашимура. Представитель дружественной страны изучает историю, традиции и обряды урянхайцев, живущих на

территории аймака, и особенно интересны ему времена Чингисхана. Урянхайцы, будучи кузнецами, ковали оружие для его войск.

В год 800-летия Монгольского государства и больших празднеств в честь его основателя Чингисхана монголы не забыли и о 90-летию Юмжагийн Цэдэнбала. Постановлением правительства министру финансов Монголии разрешено выделить из госбюджета 80 миллионов тугриков, которые составляют половину средств, необходимых для возведения памятника политическому и общественному деятелю Монголии, большому другу российского народа. Также решено выделить шесть миллионов тугриков на обустройство площади имени Цэдэнбала. Поскольку вся эта работа обойдётся в 160 миллионов тугриков, то остальная часть суммы будет собрана за счет пожертвований и помощи.

Наследие Чингисхана, коммунистическое прошлое и Монголия времён империи Цин – всё это одинаково дорого нынешнему руководству страны. Китай предоставил безвозмездную помощь в сумме шесть миллионов юаней на реставрацию Дома-музея Богдохана, и в Улан-Баторе с благодарностью приняли эту помощь. В юбилейный год монголам удалось увязать в «узел счастья» политические интересы Японии, России и Китая.

НАС ВСЕ ЧАЩЕ ПРИНИМАЮТ ЗА АМЕРИКАНЦЕВ

Рынок бензина северо-запада Монголии к концу «нулевых» оставался почти на 100 процентов российским. Было время, где-то при Гайдаре или Черномырдине, стали завозить бензин из соседне-

го Китая. Горит он, может быть, и не так плохо, признавал губернатор Баян-Ульгия г-н Капсатар, но запах у него такой, что голова от него кругом идёт. Невозможно сидеть за баранкой с таким топливом.

По всему Ховдинскому аймаку шла тем временем подготовка к весенним посевным работам. В сомоне Буянт в день нашего приезда проходил техосмотр. У тувинцев, работающих в Нарин-Голе, в общем, хватает техники, но хотелось бы обновить тракторный парк. Из газеты «Унэн» их старейшина Эрдэнэ узнал, что Китай намерен предоставить Монголии в качестве помощи 1000 малогабаритных тракторов. Это как раз то, что нужно при заготовке кормов.

Турецкий колледж, открытый в Баян-Ульгие, финансируется, по словам губернатора Омара Капсатара, на 30 процентов из госбюджета, остальные 70 идут из Турции. При этом ни одного филиала исламских банков нигде в Монголии нет – правительство в этом плане действует чётко и последовательно. А вот среди инвесторов в этом аймаке наряду с китайцами и русскими уверенно держится в тройке лидеров далёкая Великобритания. Что же касается предпочтений иностранных туристов, то, как сказал г-н Капсатар, у них в аймаке преобладают китайцы и японцы. Но едут сюда со всего света: где-то через неделю после разговора с губернатором мимо нас пропылили французы, их было 25, поехали в начале мая кататься на сноубордах с Найрамдала и Тавын-Богдо-Ула, но на следующий день там поднялся буран.

Если же говорить о предпочтениях местных жителей, то они проявляются, например, среди студенчества: по последним данным, из Баян-Ульгийского аймака каждый год за границу уезжают на учёбу 200-300 юношей и девушек, из них больше всего – в Казахстан

и Турцию, а что касается России, то она держится где-то на уровне арабских стран. При том, что открытый в Баян-Ульгие турецкий колледж ежегодно выпускает 220 человек, подобная статистика не удивительна.

Вся Сибирь была представлена в колледже двумя учениками из Кош-Агачского района, других здесь не бывает, хотя, как говорят преподаватели Джемиль Унал и Али Ялдыз, двери колледжа открыты для всех – буддистов, мусульман, православных и католиков. Годом ранее в турецкий колледж поступили два китайца, они великолепно сдали экзамены при поступлении, но потом получали мучительно долго въездные визы. Никого из мусульман, кстати говоря, Китай не пускает на учёбу в турецкий колледж.

На центральной площади Ховда – праздник Первомая. В парадных одеждах маршируют полицейские, и чувствуется что-то родное в атмосфере праздника, в отношении монголов к гостям, приехавшим из России. Но всё уже по-другому, и детишки, которые приветствуют нас, весело кричат на американский манер: «Хай!» А было время, они приветствовали по-нашему: «Дорово, дядька!»

Можно ли сказать, что присутствие китайцев в Баян-Ульгийском аймаке каким-то образом настораживает местных жителей? Отвечая на этот вопрос, спикер местного хурала Хабшай Ержан сказал, что их присутствие никого не настораживает, хотя бывало всякое. На постоянное жительство никто из них не приезжает: «Тут негде заниматься рисом». Они в основном торгуют, уже 15-16 лет

прошло после того, как в аймаке появились китайцы, – с того времени, как открылась граница, они работают здесь, и никаких проблем до сих пор не было. Китайцам неуютно в полупустынном аймаке: рынок здесь небольшой, промышленности почти нет, и, даже если смотреть исторически, торговцы из России всегда доминировали на северо-западе Монголии, и сейчас в торговле намечается то же самое.

В Баян-Ульгийском аймаке, кроме месторождений серебра и полиметаллов, есть залежи каменного угля. Их можно было бы разрабатывать в интересах соседнего Кош-Агачского района – уголь из Монголии обходился бы нам вдвое дешевле, чем из Кузбасса. Но никакой заинтересованности правительства Республики Алтай не проявляет – и дело идёт к тому, что уголь тоже достанется китайцам.

В пределах Ховдинского аймака есть два месторождения железа. Жить на одном только скотоводстве – бесперспективно, так считает губернатор Нямдаваа. Пастбища страдают от перевыпаса скота, да и бюджет не слишком-то пополняется за счёт частного ско-

товодства. И если Китай проявляет интерес к разработке железной руды, то почему бы не пойти ему навстречу?

Китайцы строят дорогу на Ховд от КПП «Булган». Есть и другие объекты, которые возводятся с их участием. Но, находясь в Монголии, они живут замкнуто. Взаимное неприятие чувствуется во всём, и даже в университете Ховда никто из монгольских студентов не дружит с китайцами: как для старшего поколения, так и для молодёжи Китай – это сосед, от которого надо держаться подальше.

В Ховде ярко выраженная мода на всё корейское, это чувствуется в одежде, парфюмерии, косметике, предметах быта и марках мобильных телефонов, даже в рекламных щитах и плакатах. И дело даже не в том, что монголы недолюбливают китайское. Они были бы рады брать настоящие японские товары – но большинству такие товары не по карману. И вот тут-то корейцы уверенно заняли свою нишу: при высоком качестве они удерживают приемлемые цены.

С ВЫСОТЫ ПОЛЁТА БЕРКУТА

Утром пьём чай, заправленный густым сарлычьим молоком. На стене вижу фотографию беркута – в лучах солнца его загривок кажется золотым. Когда я говорю об этом хозяину дома Хакарману, это его ничуть не удивляет: ещё недавно хорошего беркута меняли в здешних краях на вес золота. А на фотографии – беркут, с которым охотился его отец.

Его отец был сильным человеком – это чувствуется при виде каменных кошар, построенных рядом с домом. Тысячи камней плотно подогнаны, стены кошар прочны, и если смотреть издали, они похожи на крепость. Каменные ограды вокруг кошар выдерживают любой ураган, и только однажды, как рассказывает рейнджер Аманбек, они рассыпались

на всех стоянках. Сложенные без глины (её просто нет в здешних местах), они рухнули в конце сентября 2003 года во время землетрясения с эпицентром в кош-агачском Бельтире. Отсюда до эпицентра гораздо ближе, чем от Бельтира до Акташа. По расчётам специалистов, в верховьях Кара-Жаматы землетрясение было 6-балльным. Кошары, построенные отцом Хакармана, выдержали все удары стихии.

От отца Хакарману достался кузнечный горн и меха – на языке кочевников это «корук», он выглядит точно так же, как в далёком Средневековье и, может быть, даже во времена скифов. Меха, сшитые из прочных шкур, нагнетают воздух через металлическую трубу, и на углях походного костра Хакарман может выковать подковы, удила, любые ножи. Отец находил в здешних окрестностях наконечники стрел и копий – ничего сложного, говорит Хакарман, он легко может выковать любой наконечник, который не отличишь от музейного.

Мы стоим в гараже, и Хакарман показывает нож, изготовленный из кемеровской арматуры. Самые хорошие ножи получают у него из арматуры. А рядом с походным горном вкопана полусось от советского ЗИЛа, возле неё – ступица от грейдера. Собственно, это и есть кузница под открытым небом, в которой Хакарман куёт свои «тумрийн уудус» – железки, как он говорит. И если бы не запчасти от современных машин, то невозможно было бы отделаться от ощущения, что попал в железный век, потому что именно здесь, в горах Алтая,

начинался железный век, и не где-нибудь, а здесь, в горных долинах, сохранились наскальные изображения того времени.

Петроглифы, принадлежащие железному пазырыкскому времени и всем предыдущим эпохам, на территории парка сосредоточены в долинах рек Цаган-Салаа и Бага-Ойгур. Такого обилия каменных изваяний и керексуров нет больше нигде на Алтае. Вдоль южных склонов реки Цаган-Салаа на 15-20 километров тянутся сплошные галереи петроглифов – крупнейшие во всей Центральной Азии.

Все археологические древности – под надёжной охраной природного парка «Алтай Тавын Богд», и, коль скоро интерес к ним возрастает с каждым годом, археологическое направление в работе парка будет развиваться, в том числе, хотелось бы верить, с участием археологов Горного Алтая. Стоя возле походного «корука», поневоле думаешь о том, что со временем его аналоги могут появиться и в российском Алтае, потому что это – общая наша культура, но только там, в монгольском Алтае, она сохранилась во многих случаях лучше. Что удивительно: кузнечный «корук» в урочище Кара-Жаматы, по соседству с Укоком, и далеко на берегу Хар-Ус-Нура у тувинцев, которые привезли свой «корук» в окрестности Ховда из Синьцзяна, – он один и тот же! Лишнее свидетельство тому, что недостающие звенья материальной культуры Большого Алтая могут быть восстановлены с помощью соседей.

Рано утром уходим от дома Хакармана в сторону Тавын-Богдо-Ула, вернее, в окрестности горы

Кара-Чагыл: смотреть козерогов, а если повезёт – то и архаров. Это самые труднодоступные места на территории парка – потому и сохранились там не только архары, но и снежные барсы. В эти места никого не пускают даже с лицензиями.

В урочище Сабий один из местных аксакалов говорит нам, что в хорошие дни здесь можно увидеть до ста архаров – они пасутся на крутосклонах, не опасаясь браконьерских выстрелов. С рассветом мы уходим от чабанской стоянки в сторону Кара-Чагыла, ослепительно белого от снега, выпавшего позавчера. Холодный ветер бодрит, и тучи висят прямо над головой. Высота в урочище Сабий – 2536, а зверьё бродит на отметках от трёх тысяч метров и выше.

Впереди идут рейнджеры национального парка – японец Коджи и местный житель Аманбек, их движения точны и выверенны. Они спешат выйти к конечной точке до того, как рассветает – в этом случае шансов на удачу гораздо больше. Снегопад согнал козерогов вниз по склонам гор, подступающих к Кара-Чагылу, а за ним – Укок. Коджи настраивает подзорную трубу Kowa, долго водит по крутосклону, обращённому на восход солнца, и, наконец, слышен его восхищенный возглас: нашёл!

Мы поочередно смотрим в трубу, но увидеть архаров с первого раза не так-то просто. Поначалу они кажутся чёрными камнями на фоне заснеженной пустоты. На самом деле архары стоят, ожидая восхода солнца. Сначала нам

кажется, что их не больше пяти-шести, но постепенно светает, и мы насчитываем уже 12 архаров, а потом ещё и ещё... Они красивы и как-то по-особому величественны – хотя у перевала Бурат, где мы попадали в пургу, верблюды стояли на ветру так же величественно.

Ветер пронизывает до костей, и хотя можно было бы оставаться ещё на какое-то время, мы поочередно отправляемся в обратный путь, к чабанской стоянке, где нас ждёт горячий чай. Что заставляет здешних жителей оставаться в этих Богом забытых, гибельных местах? И что заставляет нас отправляться время от времени в эти же места? Ответа нет. А на память о самой дальней точке нашего маршрута остаётся только ветер, который гудит в ущелье, и высоко по горам бродят архары – последние из всех, что остались на земле.

...Чуйский тракт, обязанный своим появлением сибирскому купечеству, по-прежнему безлюден, если сравнивать его с теми временами, когда по нему шли автомобили «Совтрансавто-Бийск». Уже сто лет прошло с того времени, как эта дорога вывела нас на просторы Монголии и дальше в Китай. В трудные времена мы ушли из Монголии, и кому-то могло показаться, что мы ушли оттуда навсегда. Но в это трудно поверить, зная, что нас там всё ещё ждут. После Ташанты снова звучала протяжная мелодия «уртын дуу», она хватала за душу, и каждый из нас, побывавших в Монголии, знал, что все мы обречены на возвращение.